

МИНОБРНАУКИ РОССИИ
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования

«САРАТОВСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ Н.Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО»

Кафедра теоретической и социальной философии

Елисеева Марина Андреевна

Медиапространство общества риска

НАУЧНЫЙ ДОКЛАД ОБ ОСНОВНЫХ РЕЗУЛЬТАТАХ
ПОДГОТОВЛЕННОЙ НАУЧНО-КВАЛИФИКАЦИОННОЙ РАБОТЫ
(ДИССЕРТАЦИИ)

аспиранта 3-го года обучения направления 47.06.01 Философия, этика и
религиоведение (направленность «Социальная философия»)
философского факультета Елисеевой Марины Андреевны

Научный руководитель
Заведующий кафедрой теоретической
и социальной философии,
доктор философских наук, профессор _____ В.Б. Устьянцев

Заведующий кафедрой
доктор философских наук, профессор _____ В.Б. Устьянцев

Саратов 2019

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы диссертационного исследования связана с тем, что на данном этапе современного общественного развития наблюдаются кардинальные изменения в социальной реальности. Однако по-прежнему неизменной остается фундаментальная потребность человека в «другом». Душевно-психологическая данность «другого» не открывается нам непосредственно, она сообщает о себе опосредованно через взгляд, мимику, жесты, позы. Этот момент важно иметь в виду, поскольку форма донесения «посыла» формирует не только представление «другого», но и конституируется им.

Любая инновационная форма средств связи, ускоряя получение информации, объединяет в процессе коммуникации большое количество людей, находящихся удаленно, в связи с чем, возникают парадоксальные ситуации, когда человек, живущий в другой стране, разделяет твои взгляды на жизнь и оказывается духовно гораздо ближе, чем сосед по лестничной площадке, а иногда и по квартире. Природа медиа такова, что, объединяя дальних, они способны разобщить ближних: живое присутствие людей рядом подменяется телевидением, люди могут проживать вместе и вместе смотреть каждый вечер телевизор, совершенно не сближаясь, не общаясь друг с другом. Сообщение, полученное через Сеть, становится информационным поводом для коммуникации, а событие – сенсацией. В результате такой обособленности каждого в своем информационном поле медиа назревает ситуация все большей разобщенности в реальности, когда «другой» становится доступен лишь посредством цифровых технологий. Особенность современности заключается в том, что не только связь человека с миром, с другим человеком, социальной группой, но и сама реальность в целом, представлена в форме медиареальности и является продуктом цифровых технологий.

При внешнем рассмотрении медиареальность может показаться областью сугубо абстрагированной от жизни социума в его повседневной событийности и пространственной детерминированности. В рамках медиареальности большое значение оказывает дистанцирование от прошлого, понимание влияния случайных факторов. Человеку внедряется потребность в специфических формах коммуникации, он трансформируется, допускает непредсказуемость, фарс и риск, вбрасывая в медийные формы взаимодействия табуированные желания. Медиа способны поработить человека сильнее чувства голода, страха или стремления к успеху. Реальность, получив образ медиареальности, представляет собой новый культурно-исторический опыт, последствия которого еще только предстоит осмыслить.

Современный экономический уклад и определяющие его формы производства наглядно иллюстрируют то, что социальная реальность в своей основе выступает информационно-коммуникативным потоком. В интернет-магазинах, помимо ряда товаров и услуг, можно встретить образно-символические формы.

Помимо этого, медиа (в контексте масс-медиа) конституируют и манипулируют общественным мнением. Сформированы действующие социальные технологии, применяемые властными структурами для общественного контроля и внедрения необходимых идеологем. Современная социальная реальность изменчива, неструктурирована, способна к спонтанной самоорганизации, в связи с чем невозможно обозначить предметную локализацию для той или иной составляющей социального пространства, однако медиа распространяется на все его пределы, пронизывая всю его структуру.

Как известно, в мировом сообществе продолжается гонка вооружений, хотя все действующие лица отдают отчет о рисках его применения для собственных граждан. Как не без основания отмечает философ Н. Больц, военные действия перестали быть кровопролитными и переключались из «полей» на экран монитора. Технические средства сегодня позволяют смонтировать любую картинку или видео, а компьютер и сеть запараллеливают симуляцию войны с реально происходящими событиями, яркий пример тому война в Ираке или Сирии¹. Таким образом, медиа перестают быть лишь символической прослойкой между субъектом и миром, они формируют и редактируют сегодня повестку дня и саму реальность целом.

В одной из работ Ж. Бодрийяр говорит, что «войны в Заливе не было»², тем самым стремясь показать, что потребитель продуктов медиа имеет в наличии лишь симулякры образов реальности. Н. Больц в книге «Азбука медиа», развивая данную точку зрения, утверждал, что в «войне в Заливе не было» уже такого места – по ту сторону медиареальности, – о котором человек мог бы сказать, что он «в том месте»³. Очевидно, что актуальное непредвзятое информирование пользователей редуцировалось к анализу содержания программ CNN.

В этой связи, вопросы медиа, медиареальности, медиaprостранства, медиавойн представляются крайне актуальными для исследования.

Степень разработанности. В теоретико-методологическом аспекте в рамках диссертационного исследования феномен медиaprостранства в условиях глобализации осмыслялся с позиции социальных рисков. В этой связи, требуется обращение к фундаментальным исследованиям по теории рисков, в частности к трудам У. Бека⁴, Э. Гидденса⁵, М. Дугласа⁶, Н. Лумана⁷.

¹ Больц, Н. Азбука медиа / Н. Больц – М.: «Европа». 2011. – С. 32

² Бодрийяр Ж. Войны в Заливе не было // Liberation, 1991. – С. 20-21.

³ Больц, Н. Азбука медиа / Н. Больц – М.: «Европа». 2011. – С. 41

⁴ Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М., 2000. – С. 12-23.

⁵ Гидденс Э. Ускользящий мир: как глобализация меняет нашу жизнь. М., 2004. С.45-56.

⁶ Дуглас М. Риск как судебный организм // Thesis: Теория и история экономических и социальных институтов и систем. Вып. №5. 1994. – С. 242-253.

⁷ Луман Н. Глобализация мирового сообщества: как следует системно понимать современное общество // Социология на пороге XXI века: новые направления исследований. М., 1998. – 215 с.; Луман, Н. Реальность массмедиа. М., 2005. 256 с.; Луман Н. Общество как социальная система. М., 2004. – 232 с.

Вклад У. Бека заключается во внедрении в теоретический дискурс понятия «общество риска»⁸ и создании теории мирового общества риска⁹. Взгляды философа опираются на теорию модернизации. У. Бек отмечает, что человечество незащитно перед техногенными угрозами, которые создала «вторичная природа», продукт индустриального общества, а также считает, что подобная объективная закономерность исторического процесса связана с постепенным переходом к рискогенной эпохе, в основе которой преобладают механизмы глобализации и модернизации. Говоря о переходе, У. Бек отмечает, что изначально риск формируется в качестве латентного или «побочного» эффекта, а с течением времени трансформируется в основную характеристику современности, пронизывая все уровни пространства и все сферы общества.

Основываясь на методологическом подходе У. Бека, можно сделать вывод о том, что риски модерна не имеют оснований в прошлом, а скорее связаны с угрозами настоящего и будущего. По мнению ученого, в контексте общества риска прошлое больше не выступает детерминантом современного мира, его место занимает будущее (потенциальные, сконструированные, еще не существующие и даже вымышленные события и действия)¹⁰. Риски становятся перманентными и приобретают цивилизационный характер. Потребление увеличивается в геометрической¹¹, задавая направление развития для экономики. Уникальность происходящего в том, что этот рост сам становится заводом по производству рисков. В отличие от традиционных, новые риски, в частности, связанные с медиа, не зависят от конкретного места и времени.

Английский исследователь Э. Гидденс отмечает двойственную природу рисков, в основе своей имеющие антропогенный характер. Социум в ситуации глобализации пребывает в постоянной неопределенности и возможности реализации рисков. Отдельный индивид постоянно находится в ситуации выбора, что представляет собой дополнительный стрессогенный фактор. Согласно Э. Гидденсу, их дуальность в социальном пространстве связана с наличием одновременно как позитивного, так и негативного фона, что может служить специфическими катализаторами социальных изменений. «Жить в эпоху “поздней современности” (late modernity) значит жить в мире случайностей и риска – неизменных спутников системы, стремящейся к установлению господства над природой и рефлексивному творению истории»¹².

Во взглядах немецкого ученого Н. Лумана представлена методология теории рисков. Риск понимается как сотворенный человеком феномен, обладающий внутренней изменчивостью в зависимости от окружающей ситуации. Риск всегда связан с проблемой выбора. Невозможно отрицать, что в XXI веке главным становится, вопрос, о том кто принимает решения, как их можно просчитать, избежать. Появляется закономерная проблема «выбора рисков», детерминированная социальными факторами. Н. Луман уверен в том,

⁸ Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М., 2000. – 384 с.

⁹ Бек У. Космополитическое мировоззрение. М., 2008. – 311 с.

¹⁰ Бек У. Что такое глобализация? Ошибки глобализма-ответы на глобализацию. М., 2001. – С. 175-176.

¹¹ Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. М., 2004. – 788 с.

¹² Гидденс Э. Судьба, риск и безопасность // Альманах THESIS. 1994. № 5. – С. 107.

что современный социум в состоянии понять, как его меняют собственные структуры, и какой прогноз на будущее можно ожидать. В данном случае от того какое решение мы примем, зависит уменьшится ли дальнейший риск. «Будущее – это форма вероятности, поэтому современное общество переживает свое будущее, беря на себя риск принимаемых сегодня решений»¹³.

Согласно Н. Луману, у современного социума есть характерная черта – интерес к непознанному, нестабильному, и даже, пугающему, ко всему альтернативному. Такие стремления деформируют основы коммуникационного процесса. Поведение становится противоречивым. По утверждению Н. Лумана, нынешнее поведение, обусловленное рисками, не возможно вместить в дихотомию рациональный/иррациональный¹⁴. Каждое принятое решение в любом случае ведет к каким-либо рискогенным последствиям. В наш век глобализации, транснациональных корпораций, киборгизации и различных информационных технологий уже не осталось ситуаций свободных от различных рисков. Для дихотомии рискогенность/надежность аксиомой становится отсутствие абсолютной безопасности, да и безопасности в принципе. Из дихотомии рискогенность/опасность следует, что не возможно принять какое-либо решение и не столкнуться с риском¹⁵. Таким образом, чем обдуманнее мы подходим к процессу принятия решения, тем больше потенциальных ситуаций риска мы можем просчитать заранее. Н. Луман предлагает не оконченную социологическую теорию риска, а варианты для создания такой теории. Чтобы каждый исследователь выступал не в роли критика современного общества, а эксперта, который поможет обществу вернуться в утраченное состояние «нормальности».

В трудах отечественных ученых, среди которых В.В. Гришаева¹⁶, С.А. Кравченко¹⁷, А.В.Мозговая¹⁸, А.В. Соколов¹⁹, О.Н. Яницкого²⁰, риски рассматривались с точки зрения динамичности, нестабильности, неструктурированности событий, актуализирующие интенсивные социально динамические тенденции. Психологическое измерение связано с изучением воздействия социальных рисков на общество и анализом их последствий. В данном направлении В.Д. Мансурова²¹ Н.В. Корытникова²² исследуют феномен

¹³ Луман Н. «Понятие риска» // Thesis. 1994. вып.5 – С.20-23, 146-248, 151-152

¹⁴ Луман Н. Невероятные коммуникации. Проблемы теоретической социологии / СПб.: 2000. – 421 с.

¹⁵ Там же, С. 135

¹⁶ Гришаев В.В. Риск и общество (ди скуссия о понятии риска) // Социологический форум, 2002. Режим доступа: URL: <http://www.ecsocman.edu.ru>.

¹⁷ Кравченко С.А. Социология в 2-х тт. Т.2. Новые и новейшие социологические теории через призму социологического воображения. Учебник для академического бакалавриата. Издание 2. М., 2014. 636 с.

¹⁸ Мозговая А.В., Шлыкова Е.В. Социальные ресурсы и адаптация к риску: выбор стратегии (на примере социальной общности в ситуации конкретного риска) // Социологическая наука и социальная практика. 2014. №4. С. 25-49.

¹⁹ Соколов А. В. Метатеория социальной коммуникации / СПб., 2001. – 351 с.

²⁰ Яницкий, О. Н. Социология риска: ключевые идеи // Мир России. 2003. Т. XII. № 1. – С. 3-35; Яницкий О.Н. Модернизация в России в свете концепции «общества риска» // Куда идет Россия? Общее и особенное в современном развитии. М., 1997; Яницкий, О. Н. Социальные движения в современном обществе: вопросы теории // Социс. 2013. № 3. – С. 50-59.

²¹ Мансурова В.Д. «Медийный» человек российской провинции: динамика социального взаимодействия : монография. Барнаул, 2011. 207 с.; Мансурова В.Д. Визуальная семантика российской идентичности в

виртуальности в соотнесенности с психологической проблемой интернет-зависимости.

Вопросы социальных рисков в различных аспектах воздействия на современную социальную реальность подробно описаны Саратовской школой философии: В.Б. Устьянцевым²³, М.О. Орловым²⁴, Д.А. Аникиным²⁵, Д.И. Заровым²⁶, С.А. Даниловым²⁷, И.А. Афанасьевым²⁸, А.В. Федоровой²⁹.

В.Б. Устьянцев, анализируя феномен системного риска, понимает его как «многомерное проявление опасности для общественной и частной жизни, опасности, таящей преимущественно неблагоприятные последствия для институционального порядка и повседневного существования человека»³⁰. Данный феномен осмысливается в рамках взаимодействия концепций жизненного и системного миров. В.Б. Устьянцев отмечает, что социальные риски с точки зрения концепции современного жизненного мира, формируются на стыке соприкосновения книжной и цифровой (посткнижной культуры), что запускает ряд рискогенных процессов и формирует определенного рода социальный вызов традиционным общественным ценностям. Риски, осмысленные через призму концепции системного мира, отличаются двойственностью и неопределенностью: В ситуации риска, решения формируют властные элиты, что часто приводит к конфронтации и увеличению рискогенности. Однако этот же фактор задает стремление к новым формам управления социальными рисками.

Рассматривая коммуникацию как структурирующий компонент социальной динамики, М.О. Орлов отмечает, что выстраивание социальных связей в рамках социального пространства при помощи различных «коммуникативных действий стало центральной задачей всех режимов, вступивших на постиндустриальный этап развития»³¹. Таким образом, оказывают влияние на общественное сознание «дискурсы, произведенные

цифровой медиакультуре // Коммуникативная культура: история и современность: матер. VII Междунар. науч.-практ. конф. 3 ноября 2017 г. Новосибирск, 2017. – С. 85-87.; Мансурова В.Д. Человек в пространстве массмедиа: вопрошание о смысле (глава 4) // Информационная эпоха: вызовы человеку. М., 2010. – С. 178 – 209 с.

²² Коротникова Н.В. Интернет-зависимость и депривация в результате виртуальных взаимодействий // Социологические исследования. 2010; № 6. – С.70-79.

²³ Устьянцев В.Б. Жизненное пространство личности в обществе риска // Вестник российского философского общества. 2002; №4. – С. 32-41.

²⁴ Орлов М.О. Общество риска и человек: онтологические и ценностные аспекты. Саратов: 2006. – С. 114-138.

²⁵ Аникин Д.А. Топология социальной памяти: методологические основания и стратегии репрезентации. Саратов: Изд-во Саратовского университета, 2014. – С. 34-78.; Устьянцев В.Б., Аникин Д. А. Социальная память в обществе риска: опыт философской концептуализации // Философия и общество. 2011; №4. –С. 58-69.

²⁶ Заров Д.И. Цивилизационные риски в стратегиях диалога цивилизаций // Риски цивилизаций и культур в глобальном мире: сб. трудов Всероссийской научной конференции, Саратов, 2014. – С. 48-53.

²⁷ Данилов С.А. Риски и потенциал интернет-социализации молодежи // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Философия. Психология. Педагогика. 2012; №2. Том 2. – С. 42-46.

²⁸ Афанасьев И.А. Философские основания теории социальных рисков. Саратов, 2006. – С. 33-54.

²⁹ Федорова А.В. Методология организационно-управленческих исследований рисков в социальной ткани города // Среднерусский вестник общественных наук. 2015. Том 10. №4. – С.32-38.

³⁰ Устьянцев В.Б. Жизненное пространство личности в обществе риска // Вестник российского философского общества. 2002; №4. – С. 32-41.

³¹ Орлов М.О. Социальная динамика: философско-методологические основания дискурсивного управления в условиях глобализации / диссертация на соискание докторской степени. Саратов. 2009 – 306 с.

культурой глобальной коммуникации», являясь и средствами воздействия, и формирующими информационными факторами, komponуя и конституируя уровни социального. Представляет научный интерес концепт медиакратии, отражающий симбиоз СМИ с политическими институтами. Данный феномен актуализируется не всегда с учетом нормативно-правовой сферы, и обладает мобилизационной компонентой, воздействуя на граждан на эмоциональном и символическом уровнях.

Для наиболее предметного исследования феноменов медиа и медиaprостранства в обществе риска необходимо обратиться к смежной проблематике социальной коммуникации. Фундаментальные труды о коммуникативных способностях человеческой природы присутствуют в немецкой классической философии (И. Кант³², Г. Гегель³³, Ф. Шеллинг³⁴). Однако в XX столетии проблематика социальной коммуникации выходит на передний план ряда философских исследований.

В 80-х годах прошлого века теоретиками был взят курс на переосмысление коммуникативных процессов в сторону большей динамичности и интерактивности. В этой связи, можно выделить несколько основных парадигм рассмотрения теории массовой коммуникации.

Начиная с Т. Адорно³⁵ и М. Хоркхаймера³⁶ и других представителей Франкфуртской школы – (Ю. Хабермаса³⁷, Г. Маркузе³⁸, В. Беньямина³⁹) в 40-х гг. прошлого века, задавших направление исследования в данной проблематике, появилась критическая парадигма осмысления феномена массовых коммуникаций. Как отмечают представители данной школы, современный человек является объектом технического манипулирования. Из творца мира он превратился в потребителя, и в конечном итоге, овеществился сам⁴⁰. Апофеозом назревшего духовного кризиса общества стала система массового потребления и производства. Культура из сферы духовной превратилась в индустрию, которая живет по законам массового потребления, в связи с чем, объекты культуры подвергаются стандартизации, типизации и упрощению, приобретая форму товара или услуги⁴¹. В этой связи, отводится особая роль средствам массовой коммуникации, которые не только жестко манипулируют посредством индустрии культуры отчужденными человеческими массами, сколько эффективно внедряют в общественное сознание ценности

³² Кант И. Критика чистого разума. М., 1994. – С. 150-340.

³³ Гегель Г. В. Феноменология духа. М., 2000. С. – 132-278.

³⁴ Шеллинг Ф. Философские исследования о сущности человеческой свободы и связанных с ней предметах. Бруно, или О божественном и естественном начале вещей. М., 2009. – С. 28-112.

³⁵ Адорно Т. Негативная диалектика. М., 2003. С. 24-117.; Адорно Т. Кризис видимости // Эстетическая теория. М., 2001. – С. 149-155.

³⁶ Хоркхаймер М., Адорно Т. Культурная индустрия: просвещение как способ обмана масс. М., 2016. – 104 с.

³⁷ Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб., 2001. – С. 23-28.

³⁸ Маркузе Г. Эрос и цивилизация. Одномерный человек. М., 2003. – С. 101.

³⁹ Беньямин, В. Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости. Избранные эссе / В.

Беньямин; Предисловие, составление, перевод и примечания С. А. Ромашко. – М.: МЕДИУМ, 1996. – С. 126-143

⁴⁰ Адорно Т. Негативная диалектика. М.: Научный мир, 2003. – С. 24-117.

⁴¹ Хоркхаймер М., Адорно Т. Диалектика просвещения. Философские фрагменты. М., СПб., 1997. – С. 34-234.

доминирования законов рыночной экономики и технологической рациональности⁴². Интересной представляется позиция В. Бенямина, по мнению которого, развитие средств массовой коммуникации преобразует элитарную дистанцированность произведений искусства в сторону демократичности и доступности для обычных людей, не входящих в элитарные круги. Таким образом, благодаря данному процессу создаются возможности для прикосновения к объектам культуры широких слоев населения⁴³.

Такое «одномерное» общество задает редуцированное измерение человеческого бытия, выраженного феноменом массового бесконтрольного потребления. Лежащая в основе современного образа мировосприятия техническая рациональность, обещает человеку права и свободы, но они носят иллюзорный характер («свободная конкуренция», «свободная пресса», «право выбора при потреблении товаров и услуг»)⁴⁴.

Э. Фромм широко известен проблематизацией вопросов свободы современного человека. Философ обозначает двойственность проблемы, поскольку человеку свойственно искать свободу от природной данности, однако, обретя свободу за счет техники и технологии, он не умеет ей распоряжаться, теряя способность действовать как творец, способность к критическому мышлению, становится потребителем⁴⁵. Этот внутренний конфликт в человеке, теряющем свободу, обостряется процессами, инициированными медиа.

Обращение к идеям Х. Ортега-и-Гассета, обусловлено его концептом «массового общества» как отражение духовной атмосферы западного общества, сложившуюся при кризисе буржуазной демократии. В таком обществе человек является безликим элементом, частью толпы⁴⁶. В этой связи, формирование и развитие ряда социальных массовых интенций посредством новых медиа, требует внимательного рассмотрения в контексте общества риска.

Данное направление получило развитие в работах Т. Мальдонадо⁴⁷, размышлявшего о принципах функционирования культурной индустрии и проблемах разрыва медиасубъекта с книжной культурой, им же проводился анализ мышления, формируемого цифровой культурой.

Антрополого-этнографические исследования виртуальных сообществ осуществляется в рамках *интерпретативной парадигмы*. Кроме этого, направление включает в себя анализ компьютерных практик в различных сообществах.

Следует выделить *рационалистический подход*, внутри которого выделяется ряд актуальных тем. С середины XX века интенсивно начинают

⁴² Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб., 2001. – 382 с.

⁴³ Бенямин В. Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости. Избранные эссе. М., – 1996. – С. 126-143.

⁴⁴ Маркузе Г. Эрос и цивилизация. Одномерный человек. М., 2003. – С. 103.

⁴⁵ Фромм Э. Бегство от свободы. М., 2009. – С. 85-116.

⁴⁶ Ортега-и-Гассет Х. Восстание Масс. М., 1991. – 332 с.; Хосе Ортега-и-Гассет. Эстетика. Философия культуры. М. 1991. – 588 с.

⁴⁷ Tomás Maldonado: escritos preulmianos : recopilación y selección de textos a cargo de Carlos A. Méndez Mosquera y Nelly Perazzo. // Buenos Aires Ediciones Infinito, 1997. – p. 420

развиваться компьютерные технологии и цифровые средства массовой коммуникации. Первые исследования Дж. Ликлайдера⁴⁸, Д. Энгельбарта⁴⁹, поставившие проблему и давшие варианты анализа и интерпретации проблемы, появились в 60-70-е гг. прошлого века. Дискуссионная проблематика, заданная учеными, способствовала в дальнейшем развитию кибернетики и теории информационного общества.

В дальнейшем, тематика киберкультуры была продолжена в 80-90-е гг. Киберпространство понималось как новая цивилизационная граница, которая повысит уровень индивидуальной свободы и сведет к минимуму социальную дискриминацию и неравенство (Н. Нетропonte)⁵⁰. Во второй половине 90-х гг. данная проблематика осмыслялась в контексте виртуальности и коммуникации в рамках интернет сообществ. Киберкультура стала пониматься как открытое для индивидуальных проявлений онлайн-пространство (Г. Рейнгольд⁵¹, Ш. Текл⁵²). В свете происходящей трансформации структур социального и коммуникативных матриц, нельзя игнорировать возможные трансформации человеческой природы, ее киборгизации. В этой связи, появились исследования по антропологии киборгов (Д. Харауэй, К. Хейлис)⁵³.

Начало XXI века несет в себе новый рационалистический поворот в осмыслении феномена новых цифровых медиа. Цифровые технологии осмысляются в связи с социально-экономическими, политическими процессами, актуальными являются вопросы социального конструирования посредством новых медиа.

Во второй половине XX века исследование коммуникативных процессов сместилось в направлении семиотики и структурной лингвистики. В рамках данного подхода феномен коммуникации интерпретировался в социально-психологическом ключе. В этой связи особую научную ценность представляют работы авторов Тартуско-московской семиотической школы. Особенностью подхода и с позиции научного руководителя школы Ю.М. Лотмана, является понимание феномена искусства как знаковой системы, внутри которой создаются произведения искусства, сродни написанию художественного текста⁵⁴. В этой связи можно говорить о специфическом языке искусства, посредством которого закрепляются и передаются ее символы.

Структурно-семиотический анализ феноменов культуры и искусства эффективно использовался в исследованиях по проблемам теории искусства и массовой коммуникации. Представляет интерес лингвистическая модель коммуникативного процесса Р. Якобсона, предложившего схему речевого

⁴⁸ J.C.R. Licklider // Digital Research Center Research Report № 61, Palo Alto, CA., 1990 – p. 115

⁴⁹ Douglas C. Engelbart Augmenting Human Intellect: A Conceptual Framework. CA., 1962 –p. 211

⁵⁰ Negroponte, N. Being Digital. Knopf. / Paperback edition., 1996, – p. 101

⁵¹ См.: Rheingold H. The Virtual Community: homesteading on the electronic frontiers. Cambridge, 2000. – 447 p.

⁵² См.: Heim M. The Metaphysics of Virtual Reality. New York; Oxford. 1993. – 208 p.

⁵³ Новые медиа: социальная теория и методология медиа, СПб: Алетейя, 2016 / под ред. О.В. Сергеева, О.В. Терещенко. – С 102

⁵⁴ Лотман Ю.М. Семиотика кино и проблемы киноэстетики. / Таллин, 1973. – 138 с.

акта⁵⁵. Речевую коммуникацию (речевое событие) ученый представил в виде структуры, выделив ряд параметров, каждому из которых соответствует определенная языковая функция. Говоря о том, что передавая сообщение (код) от адресанта к адресату, информация передается в рамках контекста и непосредственно соотнесена с регулятивной составляющей коммуникации. Изучая структурные особенности современного коммуникационного процесса, М.М. Бахтин анализировал данный пласт вопросов через концепт диалогичности культуры и общества⁵⁶.

Социально-философский и исторический анализ феномена коммуникации представлен в исследованиях М.К. Мамардашвили⁵⁷, П. Сорокина⁵⁸, А.В. Назарчука⁵⁹, В.А. Подороги⁶⁰. Уровень межкультурных коммуникаций в рамках данного подхода рассматривается В.Л. Круткиным⁶¹, В.В. Ильиным⁶². Представляет интерес позиция Е.Я. Басина, который в русле эстетико-философской мысли изучает коммуникативные элементы искусства через знаково-символический компонент в искусстве⁶³.

В постмодернизме основной упор делается на современный социальный кризис, и влияющие на него процессы глобализации и информатизации. Средства массовой коммуникации, видоизменяя социальную реальность потребительскими тенденциями, превращает его в «общество спектакля». По мнению Г. Дебора⁶⁴, если раньше событийность переживалась человеком непосредственно, он был включен эмоционально, то сейчас он отстранен, наблюдая за текущими событиями как за театральным действием. Спектакль представляет собой этап общественного развития, когда товарооборот максимально завладел общественной жизнью.

Современная общественная структура приобретает характер сетевых образований. В этом отношении при восприятии социальной реальности, трансляции информационных потоков возрастает роль знака. Согласно Ж. Бодрийяру, современная человеческая практика в любом социальном контексте носит характер производства символических ценностей, что в рамках бытия культуры порождает объекты, не имеющие изначального референта – симулякры. Эти рукотворные «слежки» социальной реальности воспроизводят бесконечное число копий, транслируемых посредством медиа. Изначальное зерно (значение) симулякра конституируется не реальным объектом или

⁵⁵ Якобсон Р. О. Лингвистика и поэтика. Библиографическая информация: // Структурализм "за" и "против. М., 1975. – С. 193-230.

⁵⁶ Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. М., 1975. – 504 с.

⁵⁷ Мамардашвили М.К. Очерк современной европейской философии. СПб., 2014. –608с.

⁵⁸ Сорокин П. Социальная и культурная динамика: Исследование изменений в больших системах искусства, этики, права и общественных отношений. СПб., 2000. – 1056 с.

⁵⁹ Назарчук А. В. Сетевое общество и его философское // Вопросы философии. № 7. 2008. С. 61-75; Назарчук А.В. Теория коммуникации в современной философии. 2009. М., 2009. – С. 186-189.

⁶⁰ Подорога В.А. Феноменология тела. Введение в философскую антропологию. М., 1995. – С. 223-267.

⁶¹ Круткин В.Л. Гуманитарное знание в визуальной антропологии / Вестник Удмуртского университета. 2013. №4. – С. 14-19.

⁶² Ильин В.В. Аксиология. М., 2005. – С. 123-145.

⁶³ Басин Е.Я. Искусство и коммуникация (очерки из истории философско-эстетической мысли). М., 1999. –240 с.

⁶⁴ Дебор Г. Общество спектакля. М., 1996. – 224 с.

регламентацией, а посредством соотнесения с себе подобными симулякрами, с другими знаками. Таким образом, социальная реальность трансформируется в реальность виртуальную, не объединенную общим символическим значением.

При сложившихся обстоятельствах все проблемы, связанные с коммуникативными тенденциями, требуют глубокого философского осмысления, поскольку охватывают широкий спектр социальных явлений.

Теория посредников рассматривает взаимодействие между различными формами деятельности человека, его чувствами выражением того или иного состояния/действия посредством коммуникационных посредников. Концепция М. Маклюэна⁶⁵, сформулированная в русле теории посредников коммуникации, во многом послужила теоретическим основанием для концептуальных изысканий автора диссертационного исследования. Технические медиаторы, согласно мысли философа, усиливают чувства человека. Различные формы средств коммуникации позволяют видеть и воспринимать человека больше, позволяя выходить за пределы самости. При этом, каждый канал связи обладает как сильными, так и слабыми чертами, поэтому, к примеру, информационный посыл, транслируемый через телевидение, не будет так хорошо восприниматься как в Сети.

Продолжателями проблематики медиа выступают Н. Луман⁶⁶ и Ю. Хабермас⁶⁷. В рамках теории систем Н. Луман осмысляет феномен коммуникации посредством категории аутопоэзиса, утверждая первичность коммуникативных процессов относительно общества, зародившееся с появлением второй сигнальной системы. По мнению Ю. Хабермаса, коммуникация является уникальным инструментом для достижения консенсуса между коммуникантами. Процесс можно рассматривать как состоявшийся, успешный в случае договоренности между сторонами.

Взглянуть на коммуникацию и коммуникационное пространство под другим углом попытался М. Кастельс⁶⁸ - создатель теории сетевого общества. По его мнению, «сетевое общество» является специфической формой соцструктуры, установленной учеными в качестве одной из характеристик информационной эпохи. Ученый утверждает, что радикальные сдвиги в социальной жизни социума в нынешнее время напрямую связаны с повсеместным распространением информационных процессов. Вертикальные связи становятся излишними, в связи с появлением большого количества инфосетей.

Теперь заменителям этих вертикальных связей являются горизонтальные социальные связи. В результате данных изменений происходит ослабление государственного суверенитета, что способствует интернализации социальной жизни. Повсеместное осетевление также способствовало и началу изменений в экономической жизни различных стран, что способствовало становлению

⁶⁵ Маклюэн М. Понимание медиа: внешние расширения человека. М., 2003. – 464 с.

⁶⁶ Луман Н. Общество как социальная система. М., 2004. – С. 23-34;

⁶⁷ Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб., 2001. – 382 с.

⁶⁸ Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М., 2000. – С. 113.

новых порядков, теперь во многих организациях приветствуется только гибкий график работы, что способствует увеличению скорости реакции на фундирующие социально-экономические факторы – спрос и предложение.

В современной социальной философии в настоящее время выделилось еще одно направление, получившее название медиафилософия, ставшее теоретико-методологической базой для диссертационного исследования, генеральной линией которого являются феномены медиа, медиакультуры и медиапространства. Инициировал его появление Ф. Хартман⁶⁹, рассмотревший в своем исследовании «Медиафилософия» влияние медиа на различные социокультурные и антропологические аспекты социальной реальности. Данное философское направление обращается к актуальным социальным процессам, инициированным различными формами медиа.

Представляют интерес и труды Л. Визинга⁷⁰, сделавшего упор на феномен медиаискусства и особенности его функционирования. Исследователей данного направления социальной философии объединяет теоретическое положение, согласно которому медиа является многофункциональным феноменом. Медиа существенным образом оказывают воздействие на ценностно-мировоззренческий комплекс человека. В современной социальной философии проблемами медиафилософии в России работают такие исследователи как В.В. Савчук⁷¹, Г.Р.Хайдарова⁷², К.П. Шевцов⁷³, М.А. Степанов⁷⁴, Н. Б. Кириллова⁷⁵.

Особое влияние на позицию автора оказали работы В. В. Савчука «Медиафилософия: приступ реальности»⁷⁶ и Адама Гринфилда «Радикальные технологии. Устройство повседневной жизни»⁷⁷, в которых рассматриваются проблемы трансформации медиапространства в условиях современного – рискогенного общества, удвоения реальности на виртуальную и дополненную и конфигурации рисков, формируемых под влиянием или с участием (опосредованным и непосредственным) современных медиа.

Осмысляя человеческое существование, насыщенное элементами дополненной реальности, необходимо поставить вопрос о статусе человеческого бытия, о соотношении его телесности, социальности, киборгизации. Человек, насыщенный гаджетами, имеющий доступ к интеллектуально-электронным системам, сталкивается с тем, что медиаторы постепенно вытесняют его непосредственную функциональность, подменяя

⁶⁹ Hartmann F. Medienphilosophie. Wien: WUV-Universitätsverlag, 2000.

⁷⁰ Wiesing L. What are Media? // Teche / Technology. Researching Cinema and Media Technologies. Their Development, Use, and Impact. Amsterdam, 2014. – P. 93-104.

⁷¹ Савчук В.В. Антология медиафилософии . СПб., 2013. С. 12-45. Савчук В.В. Медиафилософия. Приступ реальности . СПб., 2013. С.112-135. Савчук В.В. Топологическая рефлексия. М., 2012. – С.205-219.

⁷² Хайдарова Г. Р. Время медиатехнологий: боль и скука // Медиафилософия. Основные проблемы и понятия. СПб., 2008. – С. 219-228.

⁷³ Шевцов К. П. Продолжение в другом. (Реконструкция медиа-пространства). СПб., 2009. – 217 с.

⁷⁴ Степанов М. А. Телесность коммуникации как основание медиафилософии. // Социально-гуманитарные знания. 2009. № 12. – С. 333-340.

⁷⁵ Кириллова Н.Б. Медиология , М., 2015, – 417с.

⁷⁶ Гринфилд А. Радикальные технологии устройство повседневной жизни. М.: «Дело», 2018 – С. 24 с

⁷⁷ Там же

позицию пользователя на активное осознанное действие в социальном пространстве. Из человека действующего он превращается в медиасубъекта.

Понятийной базой диссертационного исследования является категория *социального пространства*. В этой связи необходимо рассмотреть ряд подходов, обращающихся к данной дефиниции. Социальное пространство представляет собой совокупность социально-динамических явлений и процессов. Оно связано с событийностью и процессуальностью. Термин социальная структура отражает статический компонент социального пространства и включает в себя всю совокупность социальных ролей и статусов.

Социальное пространство, согласно П. Бурдье представляет собой конституированное разнонаправленными модусами абстрагированное пространство, элементом которого выступает неравномерное распределение капитала. В нем наличные действующие социальные агенты маркируются по их ключевым позициям. Действуя в социальном пространстве, тот или иной агент либо солидаризируется в своей социальной позиции с другими агентами, либо отчуждается от них, вступая в конфронтацию. Объединяясь общностью идей и схожестью типов социального действия, осуществляется группировка в классы, которые, в свою очередь фундируют в нем свою «территорию»⁷⁸. Таким образом, каждый из социальных классов занимает свою выделенную зону социального пространства. Концептуальной особенностью социальной топологии философа является то, что индивид не может пребывать и идентифицировать себя в его противоположных модусах.

Социальное пространство, согласно П. Бурдье представляет собой конституированное разнонаправленными модусами умозрительно абстрагированное пространство, структурообразующим элементом которого выступает неравномерное распределение капитала.

Расположение агентов действия в рамках социального пространства опосредовано наличием властных полей:

- а) экономическим капиталом;
- б) культурным и социальным капиталами;
- в) символическим капиталом (престиж, репутация)⁷⁹.

В этом отношении агенты социального действия распределяются в социальном пространстве исходя из общей численности капитала и соотношением его видов.

В противоположность П.Сорокину⁸⁰, который считал принципиально невозможным смешение полей физического и социального пространства в силу их сущностного различия, П.Бурдье постулировал их взаимосвязь. Анализируя данную проблему, философ рассматривает социальное пространство не как некую абстрагированную пустотность, внутри которой намечены символические координаты агентов. За всеми этими ситуациями находятся

⁷⁸ Бурдье П. Социология социального пространства. М., СПб., 2007. – С. 53-54.

⁷⁹ Бурдье П. Социология социального пространства. М., СПб., 2007. – С. 53-54.

⁸⁰ Сорокин П. А. Система социологии. М., 2008. – С. 118-141.

реально действующие индивиды и классы людей, ставших агентами социального действия в рамках физической данности социальных институтов и стратификации. Возникающая дистанция между их позициями выражается не только символически, а затрагивает конкретные физические объекты социального пространства. Одно без другого не существует.

П.Бурдьё видел в социальной реальности совокупность структурно организованных, не всегда очевидных связей, конституирующих собой область интенций, напрямую не связанных между собой, в то же время, по взаимному расположению определяемых одно через другое.

Современная социальная философия обладает обширным теоретико-аналитическим материалом по проблематике различных аспектов медиа и медиапространства. Сложность в осмыслении медиа заключается в постоянной изменчивости форм, высокой степени динамичности идущих процессов внутри самого феномена, что требует постоянного мониторинга системного анализа в рамках социальной философии и медиафилософии.

Объект исследования – пространство общества риска.

Предмет исследования – медиа в структуре пространства общества риска.

Целью исследования является анализ трансформации медиапространства в условиях общества риска.

Реализация поставленной цели исследовательской работы предполагает решение следующих исследовательских *задач*:

1) Выявить стадии концептуализации медиа в современной социально-философской мысли, дать авторское определение феномена «медиа»;

2) Проанализировать специфику медиапространства как уровня социального пространства и концептуализировать его внутреннюю структуру;

3) Обозначить возможность рассмотрения общества риска как пространственного феномена, определить взаимосвязь институциональных, ценностных и медиальных характеристик общества риска;

4) Проанализировать тенденции трансформации медиапространства общества риска и охарактеризовать амбивалентный характер виртуального насилия.

5) Разработать стратегии борьбы с виртуальным насилием в условиях общества риска.

Методологические основы исследования, представленные в диссертационном исследовании, опираются на ряд структурообразующих подходов.

Теоретическую и методологическую основу исследования составляют труды по социальной философии, медиафилософии, теории коммуникации, социальному пространству, зарубежных авторов: М. Маклюэна⁸¹, У. Бека⁸², П.

⁸¹ Маклюэн М. Галактика Гуттенберга. Становление человека печатающего. М.,2005. –С. 206.

Бурдые⁸³, Н. Лумана⁸⁴, Э. Гидденса⁸⁵.

В диссертационном исследовании применен историко-философский и сравнительный подходы. Теоретический анализ осуществлен на основе работ авторов, в которых изложены дискурсивные аспекты теорий коммуникации и медиа, социального пространства и общества риска.

Рассмотрение социальных рисков в проблемном поле социального пространства и коммуникативных аспектов новых медиа, потребовало теоретико-методологического анализа с применением историко-философского метода, позволившего выявить предпосылки, формы воздействия на социальную структуру и последствия социальных рисков, возникающих при воздействии медиа и электронных коммуникативных средств связи.

Исходя из целей и задач диссертационного исследования, в рамках обозначенного дискурса, произведен компаративистский анализ концепций социального пространства, общества риска, теории коммуникации в контексте действия различных форм медиа на социум и человеческое сознание, что обусловило выбор определенных теоретических подходов при формировании авторской позиции.

Междисциплинарный характер исследования дал возможность синтезировать социально-философские, социологические и культурно-исторические подходы к медиапространству, что обусловило обращение к результатам исследований в различных областях социально-философского дискурса: теории общества риска, современных концепций социального пространства и сетевого общества, теории коммуникаций.

Пункты научной новизны

1. Выделены стадии концептуализации медиа-проблематики: лингвистическая, иконическая, сетевая, антропологическая, пространственная и медиальная. Сформулировано авторское понимание феномена «медиа»

2. Проанализирована специфика медиапространства как уровня социального пространства, выявлены ключевые функции и внутренняя структура, выделены четыре основных уровня медиапространства: физический, психический, социальный и информационный.

3. Обоснована возможность использования пространственного подхода при исследовании социальных рисков, выявлена взаимосвязь ценностных, институциональных и медиальных характеристик общества риска.

4. Выявлены основные тенденции трансформации медиапространства общества риска, заключающиеся в формировании дополненной реальности, стирающей грани между виртуальным и реальным социальным пространством, что обеспечивает трансляцию рисков виртуального насилия в повседневную жизнь индивидов.

⁸² Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М., 2000. – 384 с.

⁸³ Бурдые П. Социология социального пространства. М., СПб., 2007. – С. 53-54.

⁸⁴ Луман Н. Глобализация мирового сообщества: как следует системно понимать современное общество // Социология на пороге XXI века: новые направления исследований. М., 1998. – 215 с.; Луман Н. Реальность массмедиа. М., 2005. – 256 с.; Луман Н. Общество как социальная система. М., 2004. – 232 с.

⁸⁵ Гидденс Э. Судьба, риск и безопасность // Альманах THESIS. 1994. № 5. – С. 107.

5. Разработаны три стратегии борьбы с виртуальным насилием в обществе риска – психологическая, нормативная, коммуникационная, обозначены слабые и сильные стороны указанных стратегий.

Положения, выносимые на защиту:

1. Концептуализация медиа в исторической ретроспективе осуществляется на следующих стадиях: лингвистическая, иконическая, сетевая антропологическая, пространственная и медиальная, итогом которых становится признание за знаком, языком, образом, сетью, пространством, за любыми способами и условиями восприятия медиасубъекта свойства медиареальности. Теперь исследователи медиа акцентируют внимание на том, что мы воспринимаем. На медиальной стадии исследования медиа исходят из двух основных принципов: 1. Непосредственность восприятия утеряна, а медиа выступают фактором опосредования реальности. 2. Язык обладает первичностью по отношению к акторам общения.

Медиа понимаются как интегральный, бесконечно саморазвивающейся, синергетический нередуцируемый коммуникационный ресурс общества риска, состоящий из множества средств и каналов коммуникации.

2. Медиапространство выступает в качестве одного из уровней социального пространства, отвечающего за конструирование тех образов реальности, которые выходят за пределы непосредственного опыта индивида. Актуализация этого уровня является результатом трансформации социального пространства в сторону усиления тенденций виртуализации и глобализации. Можно выделить следующие уровни медиапространства: 1. **Физический** (на этом уровне медиа служат лишь удовлетворению первичных потребностей человека); 2. **Психический** (медиа обеспечивают удовлетворение эмоциональных потребностей); 3. **Социальный** (на этом уровне интересы большинства преобладают над интересами меньшинства, что влечет за собой формализацию отношений, этот уровень позволяет субъекту удовлетворить потребность в обучении, развитие карьеры); 4. **Информационный** (на этом уровне характерными чертами общения являются воображение и память, поэтому медиа позволяют человеку раскрыть свои таланты, обнаружить творческие способности, тем самым удовлетворив свои личностные или эстетические потребности).

3. Современные социальные субъекты существуют в перманентной ситуации риска и вынуждены выбирать лишь один из наиболее приемлемых для него вариантов риска. При этом существенную роль играет пространственное распределение символических ресурсов, определяющих выбор субъектами той или иной стратегии минимизации риска. Пространственное измерение общества риска поддерживается тремя основными характеристиками: ценностной, институциональной и медиальной. На ценностном уровне формируются дихотомия риск/безопасность и выстраивается ценность безопасности. На институциональном уровне формируются институты, которые берут на себя ответственность за урегулирование рисков (в их числе, различные министерства и правоохранительные структуры). На медиальном уровне происходит

символическое распределение и конкуренция формальных и неформальных институтов за определение стратегий минимизации рисков. Медиа не просто становятся трансляторами деятельности институтов, а начинают определять уровень доверия к ним и, тем самым, влиять на саму институциональную структуру общества риска.

4. Современные медиа способствуют изменению пространственных оснований человека, создавая удвоение реальностей. В связи с этим мы можем выделить две стадии изменения пространственных оснований человека, одна из них основана на технологиях дополнительной или виртуальной реальности, другая – на дополненной. Формирование особого уровня медиапространства, а именно – дополненной реальности – приводит к трансформации феномена насилия, который наделяется амбивалентными характеристиками. Насилие в виртуальном пространстве приобретает возможность воплощения в естественном существовании человека, причем речь идет не столько о физических угрозах, сколько о формировании соответствующего психологического состояния, комплексно влияющего на поведение человека. Поэтому риск виртуального насилия (кибербуллинга) становится существенным признаком трансформации медиапространства в условиях общества риска.

5. В связи с отсутствием, на наш взгляд, проработки вопроса на философском уровне, автор диссертационного исследования предлагает оригинальную классификацию стратегий борьбы с виртуальным насилием (кибербуллингом). **Психологическая стратегия.** Стратегия основана на двух аспектах – работа с психологом над устранением уже проявившегося посттравматического синдрома, усовершенствование посредством тренингов и мастер-классов нервной системы. Первая стратегия несовершенна, так как она не дает гарантии устранения повторной виртуальной атаки на человека. **Нормативная стратегия.** Здесь есть два аспекта решения проблемы – ужесточение требований, связанных с идентификацией, таким образом, чтобы можно было определить виновника кибербуллинга; развитие информационного права, в котором будет регламентировано насильственное поведение и установлены меры ответственности. **Коммуникативная стратегия.** Развитие интернет-сообществ, деятельность которых будет нацелена на самостоятельный поиск кибербуллинга и обеспечение защиты своих членов. Перенос социальности в виртуальное пространство – воспитание коллективной ответственности в сети.

Теоретическая и практическая значимость исследования. Достигнутые в ходе проведенной диссертантом работы результаты исследования могут быть использованы для дальнейшего полиаспектного осмысления и изучения вопросов медиа, медиапространства и виртуального насилия, а также для создания и усовершенствования стратегий борьбы с кибербуллингом.

Теоретическая значимость результатов определяется возможностью последующего систематического анализа проблемного поля медиа и виртуального насилия в медиапространстве общества риска.

Практические результаты можно использовать для прогнозирования и

устранения потенциальных рисков медиапространства, в том числе кибербуллинга. В центре проблемного поля работы – трансформации различных рисков, в том числе коммуникационного и риска насилия, их переход из реального пространства в пространство виртуальной и дополненной реальностей, под влиянием медиа. Ежедневно медиасубъект сталкивается с воздействием на него медиа. Оно происходит как непосредственно, так и опосредованно и влечет за собой перманентные ситуации выбора, что в свою очередь погружает актора медиапространства в рискогенные ситуации, отражающиеся на телесности и сознании человека. В свете вышесказанного, по мнению автора работы, результаты диссертационного исследования могут выступить базой для формирования углубленных образовательных программ и курсов по медиафилософии, медиапрактикам, коммуникативистике и социальной философии.

Апробация диссертационного исследования. Промежуточные и итоговые результаты исследования обсуждались на научных и научно-практических конференциях разного уровня, среди которых: Всероссийская научная конференция «Великая Российская революция 1917 года: генезис, системные трансформации, историческая память» (Саратов, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского, 19 октября 2017); Всероссийская научно-практическая конференция молодых ученых по гуманитарным и социальным наукам «Многомерное общество и человек в XXI веке» (Саратов, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского 22-26 февраля, 2018); VI Международной научной конференции «Социальное неравенство современности: новая реальность научного осмысления» (Саратов, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского, 13 апреля 2018); Всероссийская научно-практическая конференция с международным участием «Правовое регулирование едиакommunikационной сферы в россии: новое в законодательстве и проблемы правоприменения программа (Саратов, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского, 13 апреля 2018); Всероссийская научно-практическая конференция молодых ученых по гуманитарным и социальным наукам «Человек в цифровом пространстве: онтология участия и культура взаимодействия» (Саратов, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского 26 февраля, 2019); Международная научно-практическая конференция «Современная коммуникативистика в исследовательских стратегиях социально-гуманитарного знания». (Саратов, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского 3 апреля, 2019); VI Всероссийская научная конференция «Историческая память в пограничном состоянии: от мобильности к мобилизации» (Тамбов, Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина 18 мая, 2019).

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во **Введении** обосновывается актуальность темы диссертации, осуществляется постановка проблемы, раскрывается степень разработанности проблемы, обозначается понятийное поле исследования, формулируются цель и задачи, объект, предмет, методы исследования, представлены методологические основы диссертации, обозначаются положения, демонстрирующие новизну и теоретико-практическую значимость работы.

В первой главе «Медиапространство: социальная природа и логика функционирования» рассматриваются сложившиеся в отечественной и зарубежной мысли философские концепции, посвященные проблематике медиа и медиапространства. Дается авторское определение понятию «медиа». Прослеживается постепенный путь формирования современных медиа посредством пяти медиальных поворотов.

Проводится анализ возникновения и обозначается осмысление проблемы медиа посредством выделения 6 стадий концептуализации данного понятия.

Содержание **первого параграфа** «Понятие медиа в социальной философии» является теоретико-методологической основой диссертационного исследования. В нем дается описание подходов в классических и неклассических философских учениях к проблематике медиа. Проводится концептуализация понятия «медиа» в исторической ретроспективе с учетом шести стадий: лингвистической, иконической, сетевой, антропологической, пространственной и медиальной, итогом которых становится признание за знаком, языком, образом, сетью, пространством, за любыми способами и условиями восприятия медиасубъекта свойства медиареальности. Автор работы приходит к выводу, что на медиальной стадии исследования медиа исходят из двух основных принципов: 1. Непосредственность восприятия утеряна, а медиа выступают фактором опосредования реальности. 2. Язык обладает первичностью по отношению к акторам общения. При этом медиа понимаются диссертантом как интегральный, бесконечно саморазвивающейся, синергетический нередуцируемый коммуникационный ресурс общества риска, состоящий из множества средств и каналов коммуникации.

Во втором параграфе «Пространственное измерение медиа» анализируется вопрос места медиапространства в структуре социального пространства. Автор работы приходит к выводу, что медиапространство выступает в качестве одного из уровней социального пространства, отвечающего за конструирование тех образов реальности, которые выходят за пределы непосредственного опыта индивида. Актуализация этого уровня является результатом трансформации социального пространства в сторону усиления тенденций виртуализации и глобализации. При этом медиапространство делится автором исследования на четыре уровня. 1. *Физический* (на этом уровне медиа служат лишь удовлетворению первичных потребностей человека); 2. *Психический* (медиа обеспечивают удовлетворение эмоциональных потребностей); 3. *Социальный* (на этом уровне интересы

большинства преобладают над интересами меньшинства, что влечет за собой формализацию отношений, этот уровень позволяет субъекту удовлетворить потребность в обучении, развитие карьеры); 4. *Информационный* (на этом уровне характерными чертами общения являются воображение и память, поэтому медиа позволяют человеку раскрыть свои таланты, обнаружить творческие способности, тем самым удовлетворив свои личностные или эстетические потребности).

Во второй главе «Трансформация медиапространства в условиях общества риска» прослеживаются изменения, происходящие в медиапространстве с учетом парадигмы общества риска, которая позволяет автору исследования утверждать неустранимость рисков. Общество риска приравнивается к некоему пространству и в нем выделяется несколько уровней: ценностный, институциональный, медиальный.

Кроме того, автор работы отмечает удвоение реальности в обществе риска, выделяя две стадии изменения пространственных оснований человека, одна из них основана на технологиях дополнительной или виртуальной реальности, другая – на дополненной. Формирование особого уровня медиапространства, а именно – дополненной реальности – приводит, по мнению автора, к трансформации феномена насилия, который наделяется амбивалентными характеристиками. В полной мере охарактеризовав проблему виртуального насилия диссертант разрабатывает три стратегии борьбы с виртуальным насилием в обществе риска – психологическую, нормативную, коммуникационную, обозначая слабые и сильные стороны каждой из них.

В первом параграфе: «Общество риска: концептуальные основания и пространственные принципы» обозначается возможность использования пространственного подхода при исследовании социальных рисков, выявляется взаимосвязь ценностных, институциональных и медиальных характеристик общества риска. Автор работы утверждает, что в современном медиапространстве риски становятся конкурентными, а институциональные структуры задают перечень возможных рисков. Субъект же выбирает стратегию избегания критического подхода к принятию решений (к мышлению в широком смысле), он делает выбор, опираясь на экспертные весомые мнения, преподнесенные медиа.

Кроме того, автором исследования выявляются основные тенденции трансформации медиапространства общества риска, заключающиеся в формировании дополненной реальности, стирающей грани между виртуальным и реальным социальным пространством, что обеспечивает трансляцию рисков виртуального насилия в повседневную жизнь индивидов. Феномен насилия наделяется амбивалентными характеристиками. Насилие в виртуальном пространстве приобретает возможность воплощения в естественном существовании человека, причем речь идет не столько о физических угрозах, сколько о формировании соответствующего психологического состояния, комплексно влияющего на поведение человека. Поэтому риск виртуального насилия (кибербуллинга) становится существенным признаком трансформации медиапространства в условиях общества риска.

Во втором параграфе «Горизонты виртуализации насилия в медиaprостранстве общества риска» автором работы впервые в социально-философских исследованиях предлагается стратегии регулирования виртуального насилия - кибербуллинга. **1. Психологическая стратегия** (по сути, это устранение посттравматического синдрома, снятие или облегчение влияния медианасилия для субъекта, либо прокачка нервной системы с выработкой устойчивых механизмов противостояния психологическим атакам). Однако, это скорее борьба с симптомами, с последствиями, но не причинами, что опять же не дает полностью решить проблему эту проблему. Так как этот же человек может подвергнуться насилию. **2. Нормативная стратегия.** Здесь есть два аспекта. Во-первых, ужесточение требований, связанных с идентификаций, таким образом, чтобы можно было определить виновника кибербуллинга. Во-вторых, создание новой отрасли права – интернет права, в которой подобно другим отраслям будут созданы кодексы с подробным описанием возможных преступлений и последующих наказаний за них. (Акты, регламентирующие поведение и устанавливающие меры ответственности). (Однако указанные механизмы вновь будут дорогостоящими и длительными). **3 Коммуникативная стратегия** – развитие интернет – сообществ, деятельность которых будет нацелены на самостоятельный поиск кибербуллинга и обеспечение защиты своих членов. Перенос социальности в виртуальное пространство – воспитание коллективной ответственности в сети.

В Заключение подводятся итоги исследования, формулируются выводы и раскрываются возможные перспективы дальнейших научных изысканий.

Основные положения диссертации отражены в следующих научных публикациях автора:

Публикации в изданиях, входящих в Перечень российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук:

Елисеева, М.А. Медиaprостранство: социально-философский анализ / М.А.Елисеева // Известия Саратовского государственного университета. Серия Философия, Психология, Педагогика. Вып. 1, том 19, 2019. С. 4-8 (0, 6 п.л.)

Елисеева, М.А. Топология медиа: от дополнительной реальности к реальности дополненной / М.А.Елисеева // Вестник развития науки и образования. №2, 2019. С. 83–90 (0, 6 п.л.)

Елисеева, М.А. Практики медиаманипулирования в революционном социуме: социально-философский анализ / М.А.Елисеева // Аспирантский вестник Поволжья. Самара: №7-8, 2017 С. 19-25 (0, 8 п.л.)

Публикации в других изданиях:

Елисеева, М.А. Медиа субъект общества риска: антропологическое измерение / М.А.Елисеева / М.А.Елисеева // Общество. Риски, Человек. Саратов: ИЦ "Наука", 2017. С. 38-41 (0,3 п.л.)

Елисеева, М.А. Революция как кризис духовного наследия: механизмы медиаконструирования / М.А.Елисеева // Философия времени: онтологические

начала и ценностные дискурсы. Саратов: Издательство «Кубик», 2017. С. 93-98 (0,4 п.л.)

Елисеева, М.А. Медиа в рискогенном пространстве современного социума / М.А.Елисеева // Современные проблемы социально – гуманитарных наук. Саратов: ИЦ "Наука", 2017. С. 98 – 102. (0,3 п.л.)

Елисеева, М.А. Медиа субъект в условиях избытка смыслов: проблема самоопределения / М.А.Елисеева // Информация-Коммуникация-Общество: Материалы XIII Всероссийской научной конференции. СПб: Изд-во СПбГЭТУ «ЛЭТИ», 2016. С. 51-54. (0,3 п.л.)

Елисеева, М.А. Медиа-ценности как фактор личностного конфликта / М.А.Елисеева // Столкновение цивилизаций и амбивалентный человек. Саратов: ИЦ "Наука", 2016. С. 58-62. (0,4 п.л.)

Елисеева, М.А. Конфликтогенный потенциал медиа-технологий и сетевые войны / М.А.Елисеева // Современное общество в парадигмах социально-гуманитарных наук. Саратов: ИЦ "Наука", 2016. С. 54-58 (0,3 п.л.)

Елисеева, М.А. Сетевая революция и манипулятивный характер медиа / М.А.Елисеева // Individuals, Societies and Cultures in the Age of Global Transformations Саратов: ИЦ "Наука", 2016. С. 69 – 72. (0,3 п.л.)